

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.Н. Жукович

О профессорах богословского
факультета виленского
университета в настоящем столетии

Опубликовано:
Христианское чтение. 1888. № 5-6. С. 556-595.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

О профессорахъ богословскаго факультета Виленскаго университета въ настоящемъ столѣтїи.

(Окончаніе ¹⁾).

Переходя отъ кафедры свят. Писанія къ кафедрѣ *догматическаго богословія и церковной исторїи* въ Виленскомъ университетѣ, считаемъ нужнымъ напередъ заявить, что къ великому сожалѣнію нашему мы въ настоящее время можемъ сообщить только немногія и отрывочныя извѣстія о профессорахъ, преимущественно занимавшихъ эту кафедру. Особенно намъ прискорбно это въ отношенїи къ проф. Клонтевичу, занимавшему выдающееся положеніе на богословскомъ факультетѣ Виленскаго университета въ цвѣтущую пору его жизни.

Первымъ профессоромъ догматическаго богословія и церковной исторїи въ Виленскомъ университетѣ, со времени его преобразованія (въ 1803 г.), былъ базилианскій монахъ о. Августинъ *Томашевскій* ²⁾. По окончанїи образованія въ одномъ изъ базилианскихъ училищъ, Томашевскій отправленъ былъ начальствомъ базилианскаго ордена, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, въ Римъ, гдѣ пробылъ четыре съ половиною года и получилъ степень доктора богословія. По возвращенїи на родину, онъ девять лѣтъ былъ учителемъ въ базилианскихъ школахъ и наконецъ (17 января 1792 г.) назначенъ вице-профессоромъ богословія въ глав-

¹⁾ См. предшеств. кн. «Христ. Чтенія».

²⁾ Біографическія свѣденія о Томашевскомъ, какъ и о другихъ профессорахъ, заимствуются нами изъ формулярныхъ списковъ (Архивъ виленск. учебн. округа).

ную литовскую школу; спустя три года онъ былъ уже полнымъ профессоромъ богословія въ ней (съ 5 октября 1795 г.); но вскоре затѣмъ остался за штатомъ, по случаю уменьшенія богословскихъ кафедръ въ главной школѣ, и (съ 18 іюля 1799 г.) занималъ въ ней должность бібліотекаря. Со времени преобразованія главной школы въ университетъ (въ 1803 году), Томашевскій опять занялъ кафедру догматическаго богословія и церковной исторіи; а съ 1808 года онъ былъ еще членомъ совѣта главной духовной семинаріи. Въ день открытія этой семинаріи, на торжественномъ актѣ (24 мая 1808 года) онъ обратился къ только что поступившимъ въ нее клирикамъ съ подобающею случаю рѣчью ¹⁾. Тогда же при открытіи богословскихъ лекцій, прочитано имъ „Разсужденіе о недостаточности философіи язычниковъ предъ пришествіемъ Христа Господа, противъ Фререта“, вышедшее въ Вильнѣ отдѣльною брошюрой. Профессорская дѣятельность Томашевскаго продолжалась до самой смерти его († 17 января 1814 г.).

Прежникомъ Томашевскаго сдѣлался докторъ философіи и богословія, о. Андрей Венедиктъ *Клонгевичъ*. По окончаніи уѣзднаго училища, Клонгевичъ поступилъ студентомъ въ литовскую главную школу, на моральное отдѣленіе, на которомъ (по уставу того времени) изучалъ нравственно-политическія и словесныя науки; въ главной школѣ, при выходѣ изъ нея, онъ получилъ степень доктора философіи (27 сентября 1789 г.). Вслѣдъ затѣмъ, онъ занялъ мѣсто учителя уѣзднаго училища въ м. Крожахъ (1 окт. 1789 г.), содержавшагося на счетъ казны; когда же это училище, по распоряженію правительства, передано было въ завѣдываніе ордену кармелитовъ, онъ принужденъ былъ оставить службу въ Крожахъ (1 сентября 1797 г.). Оставшись безъ службы, уже послѣ восьмилѣтняго учительствованія, Клонгевичъ вновь поступилъ въ Виленскій университетъ и въ теченіе четырехъ лѣтъ слушалъ лекціи на физическомъ и моральномъ отдѣленіяхъ его. Рѣшившись посвятить себя духовному званію, Клонгевичъ въ университетѣ съ

¹⁾ См. объ этомъ въ нашей статьѣ «Объ основаніи главной семинаріи».

особеннымъ стараніемъ занимался богословскими науками. По вторичномъ выходѣ изъ университета, онъ поступилъ уже не въ учителя, а въ чиновники консисторіи: въ теченіе шести лѣтъ онъ несъ въ виленской римско-католической консисторіи обязанности дефенсора матримоніи, протоколиста и наконецъ секретаря.

Когда открыта была при Виленскомъ университетѣ главная духовная семинарія, Клонгевичъ избранъ былъ (24 марта 1808 г.) первымъ по времени духовникомъ ея. Послѣ смерти Знамировскаго, перваго регенса семинаріи, семинарскій совѣтъ избралъ въ регенсы Клонгевича (10 іюня 1810 г.). Клонгевичъ фактически управлялъ главною семинаріею два года, до 1812 года, когда по случаю нашествія Наполеона ученіе въ главной семинаріи прекратилось и самыя семинарскія зданія взяты были для военныхъ надобностей; но номинально онъ продолжалъ оставаться регенсомъ семинаріи еще четыре года (до 1816 г.). Когда осенью 1816 года произошло наконецъ возобновеніе главной семинаріи, Клонгевичъ на торжественномъ актѣ обратился къ собравшимся вновь клирикамъ съ обширною рѣчью о пользѣ изученія духовныхъ и свѣтскихъ наукъ, преподаваемыхъ въ семинаріи. Вскорѣ затѣмъ (8 окт. 1816 г.) Клонгевичъ торжественно передалъ должность регенса главной семинаріи избранному на его мѣсто луцкому канонику Лесневичу, причемъ въ обращенной къ новому регенсу рѣчи онъ говорилъ о своемъ безграничномъ уваженіи и преданности главной семинаріи, просилъ его не смущаться трудностію своего положенія и не обращать вниманія на людей нерасположенныхъ къ семинаріи ¹⁾).

Въ качествѣ сперва духовника, а потомъ регенса главной семинаріи, стоявшей въ самой близкой связи съ университетомъ, Клонгевичъ приобрѣлъ себѣ общее уваженіе и самыя искреннія симпатіи всей университетской корпораціи и въ частности тогдашняго ректора университета Ивана Снядецкаго, такъ много сдѣлавшаго для виленской главной семинаріи. Въ послѣднемъ засѣданіи университетскаго совѣта, происходившемъ подъ его предсѣдательствомъ,

¹⁾ См. объ этомъ въ нашей статьѣ «Объ основаніи главной семинаріи».

по его рекомендаціи, Клонгевичъ избранъ былъ въ ординарные профессора догматическаго богословія и церковной исторіи (утв. 27 апрѣля 1815 г.), причеиъ возведенъ въ степень доктора богословія (27 мая 1815 г.). Съ переходомъ на университетскую кафедру Клонгевичъ не порвалъ своихъ связей съ главною семинаріею: будучи однимъ изъ наиболѣе популярныхъ профессоровъ ея, онъ всегда былъ и однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ ея совѣта (съ 1 января 1817 г.). Въ духовномъ вѣдомствѣ онъ сначала носилъ санъ каменецъ-подольскаго кафедральнаго каноника, а потомъ (съ 5 декабря 1819 г.)—виленакаго.

Въ университетѣ Клонгевичъ читалъ три лекціи въ недѣлю по догматическому богословію и три лекціи по исторіи христіанской церкви. Въ теченіе одного учебнаго года онъ прочитывалъ только извѣстную часть своего курса по каждой изъ этихъ наукъ; такъ, напр., 182³/₄ учебномъ году по догматическому богословію онъ читалъ отдѣлъ о Богѣ-Искушительѣ, а по церковной исторіи излагалъ исторію вселенскихъ соборовъ и ближайшаго къ нимъ времени ¹⁾. Въ рѣчи своей, при открытіи лекцій въ главнои семинаріи, проф. Клонгевичъ говорилъ клирикамъ о значеніи и важности богословскихъ наукъ между прочимъ слѣдующее: „Новая и самая знаменательнѣйшая часть Откровенія, начавшаяся съ пришествія Христа, объяснила значительную часть древняго (ветхозавѣтнаго) права, принесла новые законы болѣе простые и понятные, но важнѣе съ тѣмъ болѣе высокіе и совершенные. Необходимость изложенія ихъ и примѣненія къ разнымъ обстоятельствамъ и условіямъ жизни далеко расширила ихъ, а возникшія заблужденія и возраженія, и явившіяся на нихъ опроверженія сдѣлали науку религии обширною и трудною наукою... Въ частности, наука исторіи церкви, обнимая все отъ основанія церкви происшедшія въ ней перемѣны, показываетъ, что способствовало или препятствовало ея расширенію и возрастанію, указываетъ способы, которые употребило Провидѣніе для вразумленія и пользы вѣрующихъ, показываетъ примѣры великихъ добродѣтелей, дѣлъ и заблужденій,

¹⁾ Dziennik Wileński, 1823, III, 12.

служащих предостереженіемъ для послѣдующихъ поколѣній... 1)“. Лекціи проф. Клонгевича чужды были духа католическаго фанатизма и ультрамонтанской исключительности; по нѣкоторымъ пунктамъ онъ съ университетской кафедрой позволялъ себѣ проповѣдывать довольно либеральныя для католическаго прелата мысли. Митрополитъ Іосифъ Сьмашко, вспоминая въ „Запискахъ“ годы ученія своего въ главной семинаріи, между прочимъ пишетъ: „Любо было послушать уважаемаго мною профессора Клонгевича: съ какимъ онъ жаромъ возставалъ противъ злоупотребленій папской власти и какъ онъ по всѣмъ источникамъ пріискивалъ подтвержденія своихъ уроковъ, въ дополненіе къ руководству Клиффеля“ 2). Объ этомъ послѣднемъ, принятомъ Клонгевичемъ въ качествѣ учебнаго пособія, тогда же учившійся у него архіеп. Антоній Зубко даетъ такой отзывъ: „Клиффель въ догматической богословіи, хотя и основываетъ папскую власть на словахъ Спасителя, сказанныхъ Петру о ключахъ, о камнѣ, о насеніи стада, однакоже въ выноскѣ, хотя мелкимъ шрифтомъ, указываетъ изреченія святыхъ отцовъ первоначальной церкви, которые всѣ понимали эти слова такъ, какъ понимаетъ ихъ греческая церковь. Къ тому же Клиффель не приводитъ никакихъ подложныхъ доказательствъ, которыми изобилуетъ ученіе ультрамонтановъ“ 3).

Мы не знаемъ ученыхъ трудовъ проф. Клонгевича по его спеціальности 4). Въ „Виленскомъ дневникѣ“ попадаются краткія замѣчанія о рѣчахъ и рефератахъ, читанныхъ имъ въ разное время въ университетѣ: на годишномъ, напр., актѣ 30 іюня 1815 года

1) Mowa zastępcy Rejensa Głównego Duchownego Seminaryum, profesora Kłagiewiczza przy otwarciu tegoż Seminaryum, miana dnia 24 września 1816 roku (Wilno, 1222).

2) *Записки м. Іосифа*, I, 16.

3) *Архіеп. Антоній*, О греко-уніатской церкви (Русск. Вѣстн., 1864, стр. 300).

4) Въ формулярномъ спискѣ за 1828 годъ упоминаются слѣдующія сочиненія Клонгевича 1) *Nauka dla pewnego Katechumena* (Wilno, 1822); 2) *Mowa zastępcy rejensa głów. duch. sem.* (Wilno, 1822); 3) *Historya S-t. dla szkół powiatowych* (Wilno, 1825); 4) *Kazania na obchód żalobny pamiatki zesłego Papieża Piusa VII*; 5) *Piętnaście dni nabożeństwa jubileuszowego* (Wilno, 1826); 6) *Kazania jubileuszowe* (Wilno, 1826).

онъ читалъ рѣчь „о гражданской вѣротерпимости“; на таковомъ же актѣ 30 іюня 1819 года онъ читалъ „разсужденія о ступеняхъ, по которымъ шло откровеніе божественной религіи“ и т. п. Но самыхъ рѣчей его мы не нашли въ „Дневникѣ“.

Профессорская дѣятельность Клонгевича въ виленскомъ университетѣ продолжалась тринадцать лѣтъ (1815 — 1828). Въ 1828 г. (23 апрѣля) Клонгевичу поручено управленіе виленскою католическою епархією, съ званіемъ виленскаго суффрагана-епископа, самое посвященіе его въ санъ епископа (хризополитанскаго) совершено въ Луцкѣ (въ 1830 г.). Въ 1839 году Клонгевичъ назначенъ правительствомъ епархіальнымъ виленскимъ епископомъ, а въ 1840 году утвержденъ въ этомъ званіи папою Григоріемъ XVI. Торжественное вступленіе Клонгевича на кафедру виленскихъ епископовъ произошло въ кафедральномъ костелѣ, 29 іюня 1841 года ¹⁾. Черезъ полгода послѣ этого торжества епископъ Клонгевичъ скончался въ Вильнѣ († 27 дек. 1841 г.), на 76 году своей жизни. Краткій некрологъ его въ „*Виленскомъ Вѣстникѣ*“ заканчивается такими словами: „Всѣмъ извѣстны добродѣтели и заслуги покойнаго архипастыря: его неизгнѣнная христіанская любовь, неусыпная дѣятельность въ дѣлахъ вѣры, благочестія и духовной власти, непоколебимость характера и души, равно личныя качества ума и сердца, стяжавшія ему при жизни всеобщую любовь и глубокое уваженіе, увѣковѣчать драгоцѣнную память о немъ и въ потомствѣ“ ²⁾.

Преемникомъ проф. Клонгевича сдѣлался кс. *Антоній Фіалковскій*. Фіалковскій родился въ Вѣлоруссіи въ 1798 году и сначала учился въ полоцкой іезуитской академіи; изъ нея уже поступилъ для дальнѣйшаго спеціально-богословскаго образованія въ виленскую главную духовную семинарію (8 сент. 1820 г.), которую и окончилъ (28 мая 1824 г.) со степенью магистра богословія. По окончаніи курса ученія въ главной семинаріи, Фіалковскій преподавалъ въ виленской католической епархіальной семинаріи догматическое богословіе и французскій языкъ (съ 1825 г.),

¹⁾ Akt. wstąpienia na katedre Wileńskie IW. Klagiewiczza, (Wilno, 1841).

²⁾ «Виленскій Вѣстникъ» (Kurjer Wilenski) за 1842 г., № 3.

былъ цензоромъ духовныхъ книгъ, визитаторомъ духовныхъ семинарій. Въ 1825 г. Фіалковскій, послѣ защиты составленной имъ диссертациі: *De patris authenticae et exegeseos Apocalipsis*“ (Wilno, 1825), удостоенъ виленскимъ университетомъ степени доктора богословія и церковнаго права (3 іюля 1825 года). Когда Клонгевичъ оставилъ университетскую кафедру догматическаго богословія и церковной исторіи, совѣтъ виленскаго университета избралъ на эту кафедру Антонія Фіалковскаго, съ званіемъ экстраординарнаго профессора (4 авг. 1828 г.). Вскорѣ затѣмъ онъ избранъ былъ и членомъ совѣта главной духовной семинаріи.

Фіалковскому пришлось профессорствовать въ виленскомъ университетѣ и главной духовной семинаріи только три года. По закрытіи университета и преобразованіи главной семинаріи въ римско-католическую духовную академію, онъ перешелъ въ нее профессоромъ догматическаго богословія и церковной исторіи ¹⁾, а впоследствии назначенъ ректоромъ ея и въ этомъ званіи оставался до перенесенія ея въ Петербургъ (1842 г.).

Изъ всѣхъ духовныхъ профессоровъ виленскаго университета Фіалковскому посчастливилось сдѣлать наиболѣе блестящую карьеру. Виленскій католическій епископъ Жилинскій († 1863 г.) назначилъ его прелатомъ-кантиромъ виленскаго капитула; въ званіи члена этого капитула Фіалковскій долгое время засѣдалъ въ Петербургѣ, въ римско-католической духовной коллегіи, пока (въ 1855 г.) ему не было предоставлено важное и богатое Шидловецкое настоятельство (*probostwo*) на Жмуди, съ соединеннымъ съ нимъ титуломъ инфулата. Въ 1855 году по смерти ученаго митрополита Головинскаго, могилевскій капитулъ избралъ его въ администраторы могилевской архіепископіи. Послѣ этого онъ назначенъ суффраганомъ каменецкой епархіи и посвященъ въ санъ тавазейскаго (*in partibus infidelium*) епископа (въ 1858 г., въ Петербургѣ); съ 1860 года онъ былъ епархіальнымъ каменецкимъ епископомъ. Въ 1871 году ему предоставлена бывшая долгое

¹⁾ Въ это время онъ напечаталъ: *«Rozprawę o potrzebie, pożytkach i wpływie historyi kościelněj na teologiczne nauki (Wilno, 1834).*

время (съ 1863 г.) вакантною кафедрю могилевскаго архіепископа и митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи. М. Антоній Фіалковскій скончался въ глубокой старости, въ Петербургѣ, 11 февраля 1883 года ¹⁾.

По уставу 1803 года, на нравственномъ политическомъ отдѣленіи вилнскаго университета, въ числѣ десяти основныхъ кафедръ, положена была особая кафедра *нравоучительнаго богословія*, которой въ прежней главной школѣ не было. Но фактическое открытіе этой кафедръ, за неизвѣніемъ, должно быть, подходящаго для нея кандидата, затянулось надолго, и во все ректорство Стройновскаго она оставалась вакантною. Честь факческаго открытія этой кафедръ въ Вильнѣ принадлежитъ уже новому ректору Ивану Снядецкому, очень много заботившемуся о процвѣтаніи университетской науки и особенно о замѣщеніи вакантныхъ кафедръ свѣжими отечественными силами. Снядецкій, годъ спустя послѣ вступленія въ должность ректора, предложилъ совѣту университета поручить преподаваніе нравственнаго богословія университетскому проповѣднику о. *Іоанну Ходани*, и послѣдній единогласно былъ избранъ на кафедрю нравственнаго богословія, съ званіемъ экстраординарнаго профессора (утв. 4 іюля 1803 года).

Іоаннъ Ходани (род. 16 окт. 1769 года въ Браковѣ) ²⁾ происходилъ изъ ополячившагося итальянскаго сежейства. Мать его, потерявши уже двухъ дѣтей, дала Богу обѣтъ посвятить Ему того ребенка, который родится у нея первыиъ, и, когда спустя много лѣтъ послѣ произнесенія обѣта, у нея родился сынъ, она назвала его Іоанномъ и отдала, по достиженіи имъ двѣнадцати лѣтъ, въ монастырь латеранскихъ регулярныхъ канониковъ въ Браковѣ. Въ монастырѣ Іоаннъ и получилъ образованіе. Начальство ордена об-

¹⁾ Послѣднія свѣденія заимствованы изъ некролога, напечатаннаго въ *Bibliotese Warszawskiej*, 1883, 1, 473—474.

²⁾ При составленіи біографіи проф. Ходани мы пользовались, кромѣ формулярнаго списка о его службѣ, некрологомъ его, напечатаннымъ въ «*Dziejach Dobroszupnosci*» (1823 г., № 7), и надгробнымъ словомъ проф. *Бобровскаго*, напечатаннымъ въ видѣ предисловія къ посмертному изданію сочиненія Ходани: «*Nanka Chrześciańskiej katolickiej religii*» (Wilno, 1823).

ратило вниманіе на выдающіяся способности юноши и дало ему средства довершить свое образованіе въ краковскомъ университетѣ, гдѣ онъ съ большимъ успѣхомъ изучалъ богословіе, философію и физико-математическія науки. Въ университетѣ же собственнымъ трудомъ, безъ помощи учителя, онъ изучилъ (кромя итальянскаго) французскій и нѣмецкій языки. Счастливыя способности, живой, воспримчивый и глубокій умъ, убѣжденная и увлекательная рѣчь, основательное знаніе богословія доставили ему въ краковскомъ университетѣ кафедру догматическаго богословія и свящ. Писанія. Въ Краковѣ же Ходани впервые выступилъ на литературное поприще, въ качествѣ переводчика на польскій языкъ произведеній образцовыхъ иностранныхъ писателей (Геснера, Виланда, Лессинга, Вольтера); одаренный отъ природы значительнымъ поэтическимъ талантомъ, онъ дѣлалъ переводы даже въ стихотворной формѣ. Въ то же время молодой профессоръ много занимался церковнымъ проповѣдничествомъ и стяжалъ себѣ въ Краковѣ славу краснорѣчиваго проповѣдника, такъ что опредѣленъ былъ проповѣдникомъ въ кафедральный костелъ. Ходани выхлопоталъ себѣ у папы освобожденіе отъ монашескихъ обѣтовъ (16 ноября 1804 г.) и остался свѣтскимъ, или бѣлымъ священникомъ.

Въ эпоху преобразованія виленскаго университета, когда начальство его съ попечителемъ кн. Чарторыйскимъ во главѣ такъ много заботилось о привлеченіи новыхъ, свѣжихъ силъ въ университетъ, популярный краковскій проповѣдникъ приглашенъ былъ въ Вильно на должность проповѣдника въ университетскомъ костелѣ (1 мая 1805 года). Первая проповѣдь его въ университетской церкви „о безсмертіи души“ сразу обратила на него вниманіе виленскаго общества какъ своимъ краснорѣчіемъ, такъ и основательнымъ изложеніемъ истинъ христіанской вѣры. И въ Вильно за Ходани установилась та же репутація выдающагося церковнаго оратора, какою онъ пользовался въ Краковѣ. Нѣкоторые изъ произнесенныхъ о. Ходани въ университетской церкви проповѣдей впоследствии, уже по его смерти, изданы (въ числѣ двадцати трехъ) его ученикомъ и вторымъ преемникомъ на университетской

каедрѣ о. Іоанномъ Скиделломъ¹⁾. Объ этихъ проповѣдяхъ издатель ихъ между прочимъ говоритъ: „читатели найдутъ въ нихъ основательные трактаты о предметахъ вѣры и нравственности; сжатый стиль ихъ, въ краткихъ выраженіяхъ много мыслей содержащій, никому не наскучитъ и приснособленъ богу для читателей, чѣмъ слушателей“.

Послѣ трехлѣтняго проповѣдничества въ университетской церкви о. Ходани, какъ мы уже сказали, избранъ экстра-ординарнымъ профессоромъ нравственнаго богословія въ университетѣ. Менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ этого, онъ былъ уже ординарнымъ профессоромъ (утѣ. 25 мая 1810 г.) и имѣлъ степень доктора богословія.

Въ то время, когда Ходани открывалъ курсъ своихъ лекцій по нравственному богословію, общій уровень богословской науки въ виленскомъ университетѣ былъ не особенно высокій. На двухъ другихъ богословскихъ кафедрахъ сядѣли Томашевскій и Голянскій, старые профессора, перешедшіе въ университетъ изъ прежней главной литовской школы, въ которой богословская наука вообще не процвѣтала. Проф. Бобровскій, слушавшій лекціи Ходани въ первые годы его профессорства, прямо говоритъ, что первый ввелъ въ Вильнѣ лучший способъ преподаванія духовныхъ наукъ и первый началъ знакомить виленскую аудиторію съ выдающимися авторами древней и современной богословской литературы. „Необъяснимая память (говорилъ Бобровскій въ надгробномъ словѣ), живое воображеніе, вѣрно хранящее разъ видѣнные великіе образы, разумъ чистый и здравый разсудокъ, постояннымъ чтеніемъ полезныхъ сочиненій образованный, при знаніи языковъ и научныхъ пособій, любовь къ труду и доброму порядку—поставили его въ ряду первыхъ богослововъ въ ученомъ мірѣ и христіанскихъ философовъ“. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣденій о преподаваніи нравственнаго богословія проф. Ходани; но всѣ извѣстія о немъ вполне гармонируютъ съ компетентнымъ отзывомъ проф. Бобровскаго. Учебнымъ руководствомъ по нравственному богословію для

¹⁾ Kazania X. Jana Chodaniego, z pozostałych po s'mierci rękopisów wydane (Wilno, 1828).

своихъ студентовъ Ходани избралъ новое и общепринятое тогда за границей сочиненіе Поляшка *Mogalis Christiana* (Ольмяуць, 1803 г.). Для пользы своихъ слушателей и всѣхъ вообще изучающихъ нравственное богословіе, проф. Ходани издалъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ лучшее въ то время учебное пособие по этому предмету — „Христіанскую этику, или нравственное богословіе“ профессора вѣнскаго университета Рейберга ¹⁾).

Съ 1810 года проф. Ходани читалъ, кромя нравственнаго богословія, дополнительный курсъ *по пастырскому богословію*. Въ своихъ лекціяхъ по этому предмету онъ держался учебнаго руководства, составленнаго профессоромъ вѣнскаго университета Гифтшютцомъ ²⁾. Послѣ смерти Ходани, остался въ рукописи польскій переводъ этого руководства, изданный преемникомъ его въ университетѣ проф. Сосновскимъ, подъ заглавіемъ: „Пастырское богословіе“ ³⁾. Въ предисловіи къ „Пастырскому богословію“ издатель говоритъ, что онъ издаетъ его въ знакъ признательности къ своему учителю и для блага ближайшимъ образомъ студентовъ-богослововъ, такъ какъ на польскомъ языкѣ нѣтъ лучшихъ книгъ по пастырскому богословію: „Изложеніе предмета ясное, языкъ чистый, стиль гладкій, здравый и въ духѣ католической религіи преподаваемыя наставленія — вотъ не послѣднія его достоинства“, — говоритъ издатель. Трудъ проф. Ходани былъ не просто переводъ съ нѣмецкаго языка, а скорѣе новая его переработка; менѣе интересныя вещи переводчикъ въ немъ опустилъ, нѣкоторыя части расширилъ или вновь составилъ по другимъ источникамъ.

У Ходани все пастырское богословіе дѣлится на три части: 1) объ обязанности учить и просвѣщать народъ; 2) объ обязанности совершать внѣшніе обряды религіи; 3) о свойствахъ и поведеніи пастыря христіанскихъ душъ. Въ первой части содержатся

¹⁾ *Etyka Chrześciainska, czyli Teologia Moralna, do użycia szkolnego zastosowana przez Reyberga, profesora w uniwersytecie Wiedeńskim wysłużonego, a na język polski przez Jana Chodaniego przełożona.* (t. I, 1821 r.; t. II, 1822 r., w Wilnie).

²⁾ *Giftschütz, Leitfaden für die Vorlesungen über die Pastoraltheologie* (Wien, 1785).

³⁾ *Teologia Pastorska podług X. F. Giftschütza przez X. Jana Chodaniego ułożona* (Wilno, 1824).

общія свѣденія о христіанскомъ ученіи, преподаются общія наставленія о томъ, какъ дѣйствовать на сердце человѣка, какія истины — догматическія и нравственныя — и какимъ образомъ пастырю должно преподавать, какъ заблуждающихся и грѣшниковъ приводить на путь истины. Въ этой части Ходани прибавилъ цѣлѣный отдѣлъ, имъ самимъ составленный, о катехизаціи и проповѣдничествѣ. Въ немъ Ходани представляетъ краткую исторію катехетики, начиная ее съ первыхъ вѣковъ христіанства и оканчивая перечисленіемъ новѣйшихъ относящихся сюда сочиненій (ставшихъ выходить въ свѣтъ въ Германіи со времени имп. Маріи Терезіи); преподаетъ наставленія о томъ, какъ вести дѣло катехизаціи, чтобы оно достигало цѣли; не ограничиваясь разнаго рода весьма практичными и полезными указаніями и наставленіями, даетъ самыя образцы катехизическихъ собесѣдованій съ дѣтьми разнаго возраста и разныхъ условій жизни. Въ отдѣлѣ о гомилиі говорится о природѣ ея и правилахъ, которыхъ должно держаться при составленіи ея, причемъ дается образецъ гомилиі (на Вознесеніе Господне); далѣе идетъ исторія проповѣди, говорится о предметѣ и разныхъ формахъ проповѣди, о произношеніи ея, стилѣ, тѣлодвиженіяхъ и т. п. Первая часть „пастырскаго богословія“ заканчивается особымъ отдѣломъ о частномъ наставленіи пастыремъ пасомыхъ. Во второй части преподаются совѣты относительно совершенія богослуженія вообще и каждаго изъ таинствъ въ отдѣльности: это — сборникъ практическихъ совѣтовъ для священнослужителя, обычный въ книгахъ этого рода. Въ третьей части авторъ трактуетъ о томъ, какими внѣшними и внутренними качествами долженъ отличаться пастырь, какъ вести себя на приходѣ, въ разныхъ житейскихъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, вплоть до разумнаго расходованія своихъ доходовъ и аккуратнаго веденія метрическихъ книгъ.

Самымъ важнымъ литературнымъ произведеніемъ проф. Ходани было „Ученіе христіанской католической религіи“¹⁾, въ трехъ час-

¹⁾ Nauka Chrześcijańskiej katolickiej religii, w trzech częściach, staraniem i pracą X. Jana Chodaniewicza (Wilno, 1823).

тяхъ. Исторія составленія его разказапа самимъ авторомъ въ помѣщенномъ въ началѣ сочиненія письмѣ проф. Ходани къ попечителю виленскаго учебнаго округа кн. Чарторыйскому. Попечитель предложилъ членамъ училищнаго комитета, существовавшего при университетѣ для завѣдыванія учебными заведеніями виленскаго округа, выработать основанія для составленія учебнаго руководства по предмету ученія католической вѣры. При помощи училищнаго комитета, Ходани старался, какъ онъ самъ рассказываетъ, собрать по этому предмету всѣ лучшія вспомоgetельныя книги, „съ совершеннѣйшимъ знаніемъ религіи, соединяющія основательное знаніе человѣческаго духа и общественныхъ потребностей вѣка“. Пять лѣтъ трудился о. Ходани надъ составленіемъ своего „Ученія христіанской католической религіи“. Оно наконецъ было уже готово, и онъ приступилъ къ печатанію. Но не суждено было автору увидѣть вышедшимъ въ свѣтъ сочиненіе, на которое онъ положилъ столько времени, труда и хлопотъ. Во время лѣтнихъ вакацій 1823 года проф. Ходани скончался, успѣвши лично прокорректировать свое сочиненіе до 416 страницы. По оставленной имъ рукописи печатаніе было окончено, и книга вышла въ свѣтъ въ октябрѣ 1823 года.

Въ польской духовной литературѣ того времени появленіе „Ученія религіи“ проф. Ходани было однимъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ. До этого времени лучшею книгою этого рода въ ней былъ „римскій катехизисъ“, составленный примѣнительно къ опредѣленіямъ Тридентскаго собора. Хотя этотъ катехизисъ обнималъ всѣ истины католической вѣры, но онъ написанъ былъ нехорошимъ польскимъ языкомъ и по самой цѣли своего составленія скорѣе годился для духовенства, чѣмъ для свѣтскихъ людей. Что же касается другихъ этого рода книгъ, то хотя ихъ на польскомъ языкѣ было написано немало, по содержанію своему онѣ не равнялись даже „римскому катехизису“ (хотя и превосходили его иногда объемомъ), а по изложенію совсѣмъ не были припаровлены къ пониманію народа: это были по большей части плохіе переводы съ чужихъ языковъ, — сборники безъ логики и системы нагроможденныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, по своей крайней сухости только обременявшихъ память учащихся.

Книга проф. Ходани написана хорошимъ польскимъ языкомъ, отличается чистотою и выразительностію рѣчи. Проф. Бобровскій, помѣстившій въ „*Дьяніяхъ милосердія*“ библиографическую замѣтку ¹⁾ о ней, говоритъ, что хотя сочиненіе проф. Ходани нельзя признать вполне совершеннымъ, оно безъ всякаго сомнѣнія займетъ первое мѣсто между всѣми книгами этого рода по краткости и систематичности изложенія истинъ вѣры и правилъ нравственности христіанской, по ясности выраженія истинъ религіи, очищенныхъ въ немъ отъ всякихъ суевѣрныхъ и пустыхъ мнѣній. Сочиненіе Ходани, по самому характеру своего предмета, не могло представлять и не представляетъ чего-либо въ собственномъ смыслѣ самостоятельнаго: оно составлено, какъ замѣчено нами выше, на основаніи обильнаго матеріала, найденнаго авторомъ въ хорошо знакомой ему иностранной литературѣ,—матеріала, которымъ онъ распорядился весьма умѣло, приспособительно къ пониманію народа, особенно же учащагося юношества. Все сочиненіе, очень большое по объему (656 стр.), дѣлится какъ-бы на двѣ отдѣльныхъ книги, изъ которыхъ одна предназначена для учащихся, а другая для учащихся. Во введеніи къ первой части авторъ предлагаетъ основательныя замѣчанія о самомъ способѣ хорошей катехизаціи, или обученія истинамъ вѣры дѣтей и простого народа. Сама книга дѣлится на три части: 1) христіанское ученіе вѣры, или догматика; 2) христіанское ученіе нравственности, или мораль; 3) христіанское ученіе о средствахъ къ достиженію добродѣтели, или аскетика. При изложеніи своего матеріала авторъ держится вездѣ одного и того же плана: сначала излагается общее содержаніе извѣстнаго предмета, потомъ слѣдуетъ объясненіе, или болѣе подробное изложеніе его, съ разными въ пользу его доводами изъ Откровенія и разума, съ многочисленными образами, сравненіями, примѣрами, заимствованными изъ свящ. Писанія, изъ всемірной исторіи, изъ современной жизни; наконецъ указывается практическое примѣненіе

¹⁾ Wspomnienie o katechetyce z powodu bibliograficznego opisania dzieła X. Chodaniego «*Nauka Chrześcijańskiej katolickiej religii*» (Dzieje Dobroczynności, 1823, № 11. str. 289—331).

его въ жизни; къ каждому отдѣлу книги при этомъ присоединено краткое повтореніе его въ вопросахъ. Первая часть книги, назначенная для учителей, значительно превосходитъ вторую (первая занимаетъ 605, вторая 51 стр.). Вторая часть, или книга, назначенная для учениковъ, — простое сокращеніе первой книги, дополненное краткою священною исторіею В. и Н. Завѣта и объясненіемъ общепотребительныхъ молитвъ.

Изданіемъ своего „Ученія христіанской религіи“ проф. Ходани оказалъ существенную услугу тогдашней западно-русской школѣ, бывшей совершенно польскою по составу учащихся, по характеру преподаванія, по языку. Книга Ходани сдѣлалась учебнымъ руководствомъ для гимназій, уѣздныхъ учителей и женскихъ пансіоновъ виленскаго учебнаго округа. Когда въ виленскомъ университетѣ для студентовъ всѣхъ факультетовъ введено было преподаваніе закона Божія, за учебное руководство принято было тоже сочиненіе.

Кромѣ преподаванія, Ходани несъ много другихъ обязанностей по университету. Когда послѣ Ивана Снядецкаго ректоромъ университета сдѣлался профессоръ естественнаго права Семень Малевскій, бывший до этого деканомъ нравственно-политическаго факультета (1810 — 1817), проф. Ходани избранъ вмѣсто него деканомъ на три года. Обязанности декана нравственно-политическаго факультета Ходани несъ шесть лѣтъ до смерти своей (1817—1823), съ большою пользою для факультета. По словамъ проф. Бобровскаго, онъ въ факультетскихъ дѣлахъ всегда имѣлъ въ виду общее благо, считая для себя позоромъ руководиться какими-либо сторонними побужденіями и приносить благо общее въ жертву частнымъ интересамъ. Проф. Бобровскій, какъ мы сказали выше, во всю жизнь свою хранилъ самыя отрадные воспоминанія объ этой свѣтлой личности. Мы уже сказали, что Ходани былъ членомъ училищнаго комитета при университетѣ. Кромѣ того, въ теченіе цѣлаго ряда годовъ (1810—1823) онъ былъ членомъ совѣта главной духовной семинаріи. Во вниманіе къ многоразличнымъ заслугамъ его, о. Ходани (въ 1819 г.) назначенъ былъ виленскимъ кафедральнымъ каноникомъ. Кромѣ указанныхъ выше книгъ,

проф. Ходани печаталъ въ періодическихъ изданіяхъ и разныя статьи ¹⁾).

Проф. Ходани умеръ 18 іюля 1823 года и погребенъ въ Вильнѣ на Антоколѣ, подлѣ церкви латеранскихъ канониковъ. Надъ его гробомъ говорили рѣчи проф. Бобровскій и проф. Мянновскій. На торжественномъ актѣ виленскаго университета (15 окт. 1823 г.) ректоръ Твардовскій сказалъ о недавно скончавшемся профессорѣ слѣдующее: „Этотъ ученый священникъ много способствовалъ развитію у насъ богословской науки. Издаванныя имъ сочиненія, кромя чистоты языка и ясности изложенія, ту великую принесли пользу, что дали въ наукѣ, столь важной, но такъ мало имѣющей у насъ хорошихъ сочиненій, превосходные образцы, держась которыхъ можно избѣгнуть преступнаго уклоненія отъ правды, равно какъ и суевѣрной темноты. Здѣшняя богословская школа должна быть всегда благодарной за эти сочиненія этому заслуженному своему члену, котораго чистый разумъ, здравое сужденіе и пріятность въ обращеніи дѣлали любезнымъ и пріятнымъ для всѣхъ его друзей и знакомыхъ ²⁾).

Послѣ смерти проф. Ходани кафедра нравственнаго и пастырскаго богословія перешла къ ученику его, *Платону Сосновскому*, о которомъ намъ уже пришлось упомянуть, какъ объ издателѣ сдѣланнаго Ходани польскаго перевода „Пастырскаго богословія“ Гифтшютца.

Платонъ Сосновскій (род. 31 дек. 1799 г.) былъ сынъ известнаго уже намъ Антонія Сосновскаго, въ то время уніатскаго священника въ м. Клещеляхъ (бѣльскаго уѣзда Гроднен. губ.) и дрогичинскаго благочиннаго, а впоследствии (уже во время профессорства сына) предсѣдателя виленской митрополичьей консисторіи ³⁾. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Клеще-

¹⁾ Въ «*Вилensk. дневникъ*» за 1815 г. напечатана его «*Rozprawa okazująca dążenie nauki Jezusa Chrystusa do dobra narodu ludzkiego* (Dz. Wil., t. II).

²⁾ *Dzien. Wil.*, 1823, III, str. 5.

³⁾ Проф. *Бобровскій* напечаталъ некрологъ проф. Сосновскаго, проникнутый искренностію и теплотою чувства къ почившему (*Dzien. Wil. ński*, 1828, III, 311—317).

лахъ, въ церковно-славянскомъ духѣ, подѣ ближайшимъ руководствомъ своего отца, которому, какъ и раньше его М. Бобровскій, онъ, безъ сомнѣнія, много обязанъ своими симпатіями къ русской старинѣ своей родины и своими познаніями въ области древнерусской церковно-славянской письменности. Дальнѣйшее общее образованіе онъ получилъ въ ближайшей—бѣлостокской гимназіи. Въ гимназіи Сосновскій отличался замѣчательною памятью, быстротою и легкостію усвоенія изучаемаго предмета, большимъ усердіемъ. На гимназической скамьѣ даровитый юноша писалъ уже стихи и печаталъ ихъ въ „*Виленскомъ еженедѣльникѣ*“; но эти стихи онъ писалъ не на родномъ русскомъ языкѣ, а на языкѣ польскомъ. Безраздѣльно тогда царившемъ въ западно-русской школѣ и жизни. Рѣшившись, сообразно съ своимъ происхожденіемъ, посвятить себя духовному званію, Сосновскій, по окончаніи гимназіи, поступилъ въ главную духовную семинарію (13 октября 1817 г.). Въ семинаріи онъ учился обычныхъ четыре года, съ успѣхомъ изучая духовныя и свѣтскія науки; во время ученія онъ получилъ степень кандидата богословія (25 іюня 1819 г.), и при окончаніи курса — магистра богословія (20 іюня 1821 г.). По окончаніи университетскаго курса, Сосновскій, не отличавшійся вообще крѣпкимъ здоровьемъ, нашелъ полезнымъ воспользоваться годичнымъ отдыхомъ въ домѣ родителей, для поправленія здоровья. Потомъ, для усовершенствованія себя въ наукахъ, онъ еще на одинъ годъ поступилъ въ главную семинарію, — что, согласно семинарскому уставу, обыкновенно дѣлали студенты, избравшіе себѣ ученую карьеру. Въ теченіе этого времени молодой ученый написалъ двѣ диссертациі ¹⁾, за которыя виленскій университетъ удостоилъ его степени доктора богословія и церковнаго права (24 іюля 1823 г.). Когда со смертію проф. Ходани оказалась вакантною въ университетѣ кафедра нравственнаго и пастырскаго богословія, совѣтъ университета, по представленію профессоровъ богословскаго факультета, предложилъ Сосновскому занять эту кафедру, въ ка-

¹⁾ Theologico-hermeneutica disquisitio de summo hermeneuticae sacrae principio; Historico-canonica disquisitio de praecipuis differentiis inter disciplinam Ecclesiae Graecae et Latinae.

чествѣ заступающаго мѣсто профессора. Сосновскій тогда былъ еще очень молодъ; ему было только двадцать два года.

Въ „*Дьяніяхъ милосердія*“ за 1824 годъ напечатана вступительная лекція Платона Сосновскаго ¹⁾ въ виленскомъ университетѣ по нравственному богословію, читанная имъ 1 октября 1823 года. Хотя эта лекція посвящена частному разсмотрѣнію достоинствъ принятаго въ виленскомъ университетѣ руководства по нравственному богословію Подляшка, тѣмъ не менѣе мы находимъ умѣстнымъ, въ видахъ характеристики возрѣвнѣй начинающаго профессора, познакомить читателей въ краткомъ изложеніи съ содержаніемъ этой лекціи.

Отличительная особенность католической церкви—такъ началъ Сосновскій свою лекцію — заключается въ томъ, что въ ней отъ самаго начала ея и до настоящаго времени сохраняются неизмѣнными какъ догматы вѣры, такъ и правила нравственности. Хотя уже во II вѣкѣ къ христіанской морали стали примѣшивать начала философіи Платона и Пифагора, а въ III вѣкѣ ее соединили съ мистическимъ богословіемъ, хотя впоследствии, въ средніе вѣка слишкомъ большое значеніе придавали внѣшнему благочестію, и сами схоластическіе богословы, раздѣлившіеся на моралистовъ, аскетовъ, мистиковъ и казуистовъ, не были свободны отъ значительныхъ заблужденій, а съ теченіемъ времени явились распущенные пробабилиты, долго боровшіеся съ строгими ритористами, и на время возникъ крайній квіетизмъ; но въ сущности своей ученіе христіанской нравственности всегда оставалось однимъ и тѣмъ же. Но при всей неизмѣнности содержанія науки нравственнаго богословія. способъ изложенія ея въ исторіи весьма часто измѣнялся, и тотъ видъ, который нравственное богословіе имѣетъ въ настоящее время, въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, оно стало принимать съ половины прошлаго вѣка, подъ влияніемъ, главнымъ образомъ, австрійскихъ богослововъ. Намѣреваясь при дальнѣйшемъ изложеніи курса нравственнаго богословія держаться принятаго его пред-

¹⁾ Bzecz przy rozproszczeniu publicznej lekcyi Teologii Moralnej przez X. Pł. Sosnowskiego dnia 1 paźd. 1823 r. czytana (Dzieje Dobroczytności, 1824, t. IV, № 1, str. 9—24).

шестовникожь учебнаго руководства Полляшка, лекторъ считаетъ полезнымъ, особенно для новыхъ слушателей, сдѣлать характеристику этого руководства. Первое достоинство его—въ томъ, что Полляшекъ въ своей книгѣ всегда остается вѣрнѣе тому основному требованію отъ каждой науки, чтобы она занималась только спеціальнымъ кругомъ ей одной принадлежащихъ предметовъ, не вторгалась въ чужія области: между тѣмъ какъ у старыхъ моралистовъ наряду съ моралью есть все—и догматика, и пастырское богословіе, и церковное, и даже гражданское право. Полляшекъ, хотя ему приходится иногда говорить о предметахъ, не относящихся прямо къ нравственному богословію, всегда умѣетъ однако въ такихъ случаяхъ соблюсти мѣру и выбрать изъ нихъ только то, что дѣйствительно относится къ его наукѣ. Еще важнѣе, что нравственное богословіе Полляшка чуждо всѣхъ тѣхъ ложныхъ мнѣній, которыя не рѣдкоеть встрѣтить въ сочиненіяхъ, написанныхъ въ старинномъ вкусѣ: нѣтъ въ немъ мѣста тѣмъ претендующимъ на занимательность разглагольствіямъ, тѣмъ потѣшнымъ баснямъ, которыя столь были по вкусу старымъ вѣкамъ. — Учебное руководство Полляшка удовлетворяетъ и другому существенному требованію отъ сочиненій этого рода. Оно представляетъ собой строго выдержанную систему, въ которой учебный матеріалъ расположенъ не произвольно, не эмпирически, а на разумныхъ основаніяхъ. Такое строго-систематическое изложеніе предмета сообщаетъ нравственнымъ принципамъ много ясности и силы и слѣдовательно скорѣе приводитъ къ просвѣщенію ума и усовершенствованію воли человѣка. Наконецъ, книга Полляшка въ достаточной степени удовлетворяетъ условіямъ основательнаго, яснаго и стройнаго изложенія: авторъ заимствуетъ свои доводы изъ свящ. Писанія, или изъ церковнаго преданія, или приводитъ здравыя, логическія разсужденія; самые доводы отличаются краткостію, силлогизмъ въ нихъ не выступаетъ со всею своею внѣшнею церемоніальностію, а сокрытъ въ самомъ изложеніи; мысли слѣдуютъ однѣ за другими не случайно, а въ естественномъ порядкѣ. — Лекторъ отмѣчаетъ и недостатки Полляшка. Полляшекъ, говоритъ онъ, слишкомъ сухъ, отрывоченъ; ему недостаетъ иногда яснаго, непрерывнаго теченія

мысли, что составляет большое достоинство известнаго сочиненія Рейберга. Поляшекъ поэтому годится болѣе для механическаго изученія науку, Рейбергъ — для приобрѣтенія знаній посредствомъ размышленія. Кроме того, Поляшекъ о нѣкоторыхъ предметахъ говоритъ слишкомъ коротко. При всемъ томъ, *Moralis Christiana* Поляшка принадлежитъ къ числу не только новѣйшихъ, но и лучшихъ сочиненій въ этомъ родѣ.

Въ заключеніе вступительной лекціи своей Сосновскій убѣждаетъ слушателей не ограничиваться однимъ изученіемъ учебнаго руководства, не ограничиваться даже однимъ слушаніемъ лекцій, такъ какъ самая краткость времени не позволитъ ему останавливаться на всѣхъ подробностяхъ, да и невѣроятно, чтобы разъ выслушанное твердо сохранилось въ памяти. Всего полезнѣе въ этомъ случаѣ—чтеніе лучшихъ книгъ по данному предмету (Поляшекъ ихъ перечисляетъ), и прежде всего „Христіанской этики“ Рейберга, переведенной на польскій языкъ проф. Ходани. „Когда неисповѣдимыя судьбы Всевышняго не дозволили намъ дольше утѣшаться плодами таланта и труда этого мужа, примемъ съ признательностію и этотъ памятникъ его искренней любви и постараемся обратить его на дѣйствительную себѣ пользу. Этого мы лучше всего достигнемъ, если съ должнымъ знаніемъ нравственныхъ законовъ соединимъ согласное съ ихъ предписаніями образованіе сердца. Кто разумѣетъ дѣлать добро, и не дѣлаетъ, тому грѣхъ (Лак. IV, 17). Итакъ, эта цѣль пусть будетъ съ вашей стороны предметомъ усиленныхъ занятій, а съ моею—искренняго старанія и труда“.

Сосновскій весь ушелъ въ ученую работу, и прежде всего въ составленіе курса нравственнаго богословія. Отъ своего предшественника, правда, онъ получилъ не малое наслѣдіе—хорошій методъ преподаванія и весьма выработанный богословскій языкъ; но ему нужно было всеиъ этимъ овладѣть самому, недостающее восполнить, привести матеріалы въ систему. Онъ положилъ нѣсколько лѣтъ труда на составленіе своего собственнаго полнаго курса по нравственному богословію, оставшагося въ рукописи послѣ его смерти. Что касается пастырскаго богословія, то Сосновскій имѣлъ у

себя подъ руками хорошее вспомогательное средство, оставшееся ему также отъ его предшественника, — сдѣланный Ходани польскій переводъ Гифтшютца. Сосновскій прежде всего и заваялся приготовленіемъ его къ печати. Объ этомъ мы уже говорили выше. По словамъ современной библиографической замѣтки ¹⁾, Сосновскій сдѣлалъ все, чего только можно было ожидать отъ внимательнаго и просвѣщеннаго издателя, исполнивъ такимъ образомъ долгъ любви и признательности къ своему учителю и предшественнику на кафедрѣ. Вообще на занятой послѣ Ходани профессорской кафедрѣ Сосновскій, съ самаго же начала, заявилъ себя вполне достойнымъ продолжателемъ его дѣла. Уже на 23 году жизни, Сосновскій (скажемъ словами проф. Бобровскаго), отдавшись изученію христіанской философіи, обнаружилъ умъ зрѣлый и прекрасно развитыя качества учителя религіи.

Сосновскій приглашенъ былъ сначала въ университетъ, въ качествѣ заступающаго мѣсто профессора. Между тѣмъ совѣтъ университета, согласно уставу, объявилъ (10 ноября 1825 г.) конкурсъ на соисканіе въ немъ кафедры нравственнаго и пастырскаго богословія, назначивъ срокомъ для подачи конкурсной диссертациі 1 сентября 1826 года ²⁾. На конкурсѣ Сосновскій представилъ диссертацию, написанную согласно данной программѣ, на латинскомъ языкѣ, въ которой, по словамъ Бобровскаго, обнаружилъ умѣнье вѣрно оцѣнить разныя приципы моралистовъ и обосновывать свои сужденія на твердыхъ доводахъ. Кромѣ диссертациі онъ представилъ старательно собранный имъ матеріалъ для библиографіи аскетическихъ книгъ, изданныхъ на польскомъ и латинскомъ языкахъ польскими богословами, и особое сочиненіе, заключавшее въ себѣ обзоръ нашихъ обязанностей къ ближнимъ, отличающееся такою полнотою и ясностію, такимъ прекраснымъ содержаніемъ и изложеніемъ, что, по отзыву того же Бобровскаго, его можно признать почти совершенствомъ. Труды Сосновскаго, конечно, увѣнчались успѣхомъ, и онъ избранъ былъ экстра-ординарнымъ профессоромъ (1826 г.).

¹⁾ Dzieje Dobroczenności, 1824, № 9, str. 95—96.

²⁾ Dzień. Wil., 1825, III, 232—234.

Вскорѣ послѣ занятія въ университетѣ мѣста преподавателя, Сосновскій былъ рукоположенъ въ санъ священника униатскимъ епископомъ-суффраганомъ Яворскимъ. Уніаты-клирики главной духовной семинаріи, стремившіеся сдѣлать болѣе блестящую духовную карьеру, обыкновенно, принимая священный санъ, оставались безбрачными. Сосновскій не послѣдовалъ этому обычаю и прежде рукоположенія женился на дочери предсѣдателя брестской консисторіи Антонія Тупальскаго; черезъ годъ послѣ рукоположенія онъ получилъ корелицкій приходъ (новгород. уѣзда Мин. губ.). О. Платонъ Сосновскій на проповѣдническомъ амвонѣ явился такимъ же достойнымъ преемникомъ проф. Ходани, какъ и на профессорской кафедрѣ. „Въ проповѣдяхъ его, говоритъ Вобровскій, царитъ порядокъ, ясность и простота, въ нихъ есть сила выраженія, убѣдительность доводовъ, благородство стремленій“. Много оживлялъ его проповѣди самый голосъ проповѣдника, силившася влить въ слушателей то чувство правды, которымъ онъ весь былъ проникнутъ.

Постоянныя ученія и проповѣдническія работы, которымъ о. Сосновскій предавался безъ отдыха, съ какою-то все болѣе и болѣе возрастающею страстностью, рано надложили его и безъ того слабый организмъ. Послѣ написанія конкурсной диссертациі онъ заболѣлъ интэрмиттентной горячкой, предвѣщавшей уже начало болѣзни груди. Только усиліями лучшихъ докторовъ удалось спасти его отъ смерти. Не оправившись вполне отъ болѣзни, молодой профессоръ съ обычною горячностью принялся за прежнія работы, за чтеніе лекцій, за сказываніе проповѣдей. Силы ему стали измѣняться; иногда на половинѣ лекціи онъ долженъ былъ уходить изъ аудиторіи. Еще хуже онъ почувствовалъ себя послѣ проповѣди въ костелѣ епархіальной семинаріи, въ день св. Георгія. Но спустя нѣсколько дней, собравшись съ силами, онъ сказалъ другую проповѣдь въ Троицынъ день (23 мая) въ августиніанской церкви, о причинахъ современной порчи нравовъ. Но это было уже послѣднее проповѣдническое и профессорское слово его. Съ этого времени чрезвычайно быстро стала развиваться у него чахотка, и четыре мѣсяца спустя не стало такъ много обѣщавшаго профессора († 4-го окт. 1827 г., на 27 году жизни). Тѣмъ же самымъ образомъ

потребенія о. Сосновскаго совершилъ въ троицкомъ базилианскомъ монастырѣ епископъ-суффраганъ Головня. Духовникъ главной семинаріи униатскій священникъ Пильховскій сказалъ надъ его гробомъ прочувствованное слово; надъ самой могилой отъ лица студентовъ произнесъ трогательную прощальную рѣчь клирикъ главной семинаріи Михаилъ Голубовичъ (впоследствии православный архіепископъ минскій). Для главной семинаріи утрата Сосновскаго была особенно чувствительной еще потому, что онъ (съ 1-го окт. 1823 г.) былъ въ ней префектомъ.

Оканчивая краткій очеркъ жизни и дѣятельности проф. Сосновскаго, считаемъ нужнымъ замѣтить, что, занимая кафедру на католическомъ богословскомъ факультетѣ польскаго университета, профессоръ-униатъ не забывалъ своихъ ближайшихъ ученыхъ обязанностей въ отношеніи къ западно-русской униатской церкви. Свои досуги онъ охотно посвящалъ собранію свѣденій объ отечественной духовной литературѣ и между прочимъ сдѣлалъ много выписокъ для исторіи униатской церкви. Ранняя смерть помѣшала ему сдѣлать должное научное употребленіе изъ собраннаго имъ матеріала, и онъ остался послѣ его смерти въ сырмѣ видѣ. Этимъ матеріаломъ только отчасти Сосновскій воспользовался въ печати для литературной борьбы съ базилианскими монахами по вопросу о существованіи канитуловъ въ униатской церкви. Полемика проф. Сосновскаго съ базилианиномъ Малевскимъ была однимъ изъ эпизодовъ общей борьбы блага униатскаго духовенства съ монашествующимъ, — борьбы, о которой мы уже имѣли случай упомянуть въ биографіи проф. Бобровскаго. Для болѣе полной характеристики Сосновскаго мы считаемъ уместнымъ воспроизвести сущность и ходъ этой интересной полемики, — въ нашей литературѣ почти совсѣмъ неизвѣстной, а между тѣмъ бывшей довольно крупнымъ событіемъ въ исторіи западно-русской униатской церкви въ эпоху, предшествовавшую преобразовательной дѣятельности Іосифа Сьмашко.

Въ усилившейся съ начала двадцатыхъ годовъ борьбѣ блага униатскаго духовенства съ базилианами роль главнаго защитника интересовъ перваго выпала, по самому существу дѣла, на долю,

такъ называемаго, капитульнаго духовенства: въ капитулахъ, или корпораціяхъ кафедральнаго духовенства, сосредоточено было тогда все, что было въ униі наиболѣе образованнаго, талантливаго, энергичнаго. Корпоративное устройство высшаго униатскаго духовенства придавало его дѣйствіямъ ту независимость, смѣлость, авторитетность, которой не могло быть у единичной личности, при всѣхъ самыхъ высокихъ личныхъ ея качествахъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ капитулы могъ даже бороться съ вреднымъ для блага духовенства вліяніемъ мѣстнаго униатскаго епископа. Василианскіе монахи ясно сознавали силу и значеніе униатскихъ капитуловъ, такъ какъ имъ давно уже приходилось выдерживать ихъ натискъ, отражать ихъ постоянныя нападенія. Сломить силу униатскихъ капитуловъ стало ихъ затаенною мечтою; для осуществленія этой мечты они были готовы на все... И вотъ мы видимъ базилианскихъ монаховъ въ новой и очень странной для нихъ роли ревнителей древне-восточнаго устройства западно-русской униатской церкви, поборниковъ очищенія униі отъ латинскихъ нововведеній.

Въ майской книжкѣ „*Дьяній милосердія*“ за 1823 годъ появилась безъ подписи автора статья: „*Объ іерархіи русской церкви, соединенной съ римскою*“, продолжавшаяся затѣмъ еще въ трехъ послѣднихъ книжкахъ этого журнала за тотъ же годъ. Статья эта вышла изъ подъ пера базилианина Малевскаго, не подписавшагося впрочемъ полною фамиліей, а одной начальной буквой: М. Заглавіе статьи вовсе не соотвѣтствовало ея содержанию: объ іерархіи униатской церкви въ ней очень мало говорилось. Вся аргументація автора направлена была на доказательство незаконности существованія въ униатской церкви капитуловъ.

Провинціальныи замоискій соборъ (1720 г.), ставшій, по утвержденіи его опредѣленій папою, правиломъ вѣры и жизни (такъ начинается статья), совсѣмъ не знаетъ, какъ видно изъ подписей присутствовавшихъ на немъ, канониковъ и прелатовъ капитуловъ въ униатской церкви. Точно также ничего не знаетъ о нихъ коб-

¹⁾ О Hierarchii Kościoła Ruskiego z Rzymskim ziednoczonego (Dzieje Dubroscynności, 1823 r., № 5, str. 8—22; № 10, str. 178—186; № 11, str. 275—283; № 12, str. 439—443).

ринскій соборъ (1626 г.), брестскіе соборы, бывшіе при м. Михаилѣ Рогозѣ, новгородскій соборъ (1415 г.). Кіевскій соборъ, бывшій при м. Кириллѣ III (въ XIII в.), упоминаетъ о клирѣ кафедральномъ, но вовсе не о капитулѣ, и кромѣ игумена не знаетъ никакихъ другихъ титуловъ въ духовенствѣ. Уставы Владиміра и Ярослава знаютъ только пресвитеровъ и діаконовъ, и говорятъ о пѣвцахъ и клирѣ вообще. На основаніи всего этого авторъ приходитъ къ тому заключенію, что въ древней русской церкви не было ни капитуловъ (т. е. собраній канониковъ при кафедральной церкви), ни коллегіатовъ (т. е. собраній канониковъ при некафедральной церкви). При кафедральныхъ церквахъ, говоритъ онъ, часто вовсе не было особаго причта, а отправляли въ нихъ богослуженіе поочередно священники ближайшихъ приходскихъ церквей. Нѣкоторые же епископы для умноженія славы Божіей, для благолѣпія богослуженія и для спасенія вѣрующихъ уже въ древнее время поручали кафедральныя церкви монахамъ-базиліанамъ, и отъ ихъ то коллегій, вслѣдствіе усерднаго исполненія ими священныя обязанности, значительно увеличившихся щедростію вѣрующихъ, сами эти церкви стали называться коллегіальными, или соборными, такъ какъ каждая монастырская церковь собственно должна называться соборною. Ни откуда не видно, чтобы при древнихъ русскихъ церквахъ кафедральныхъ были въ большомъ количествѣ свѣтскіе священники подъ именованіемъ капитула, или чтобы существовалъ издревле обычай выполненія ими капитульныхъ дѣйствій, какъ-то: общихъ засѣданій, употребленія общей печати, пользованія общою кассою, владѣнія общимъ архивомъ, избранія изъ своей среды синдика и т. д. Ничего этого не было въ древнихъ русскихъ кафедральныхъ церквахъ по той простой причинѣ, что не было его въ греческихъ церквахъ, по образцу которыхъ устроилия русскія. Самое слово *каноникъ* не употребляется въ греческой церкви для обозначенія церковной должности въ свѣтскомъ клирѣ, — должности, не многимъ разнящейся отъ епископской: у грековъ каждый клирикъ, помѣщенный въ каталогъ, или канонъ духовенства, назывался каноникомъ, какъ и монахи отъ регулы (*κανών*) носили имя канониковъ... Общее заключеніе у ба-

зилианскаго автора получается такое: ни капитуловъ, ни канониковъ не было ни въ греческой церкви, ни въ русской, ни до введенія уніи, ни въ моментъ ея введенія (№ 5).

Затѣмъ отъ древнихъ временъ авторъ переходитъ къ позднѣйшей эпохѣ уніатской церкви. Онъ ссылается на свидѣтельство м. Льва Бишки (первой половины XVIII в.) въ доказательство незаконнаго существованія львовскаго капитула; съ тою же цѣлью онъ дѣлаетъ ссылку на Барамвина, заподозрившаго подлинность данной во Львовѣ послѣднимъ галицкимъ королемъ Львомъ привилегіи, доказывающей существованіе львовскаго капитула. Въ доказательство незаконнаго существованія виленскаго и брестскаго капитуловъ приводится подлинное письмо м. Григорія Кожановича (1811 г.) къ его суффрагану, советѣмъ будто бы отрицавшаго ихъ существованіе; съ тою же цѣлью (отъ вилен. капитула) приводится рапортъ виленскаго суффрагана второму департаменту духовной коллегіи (1819 г.). Приведши всѣ эти свидѣтельства, базилианскій авторъ говоритъ, что при самомъ сильномъ желаніи перевознести какъ можно больше уніатскую церковь, онъ не смѣетъ помѣстить въ перечнѣ титуловъ и должностей уніатскаго духовенства *канониковъ и прелатуры*, свойственныхъ только римской церкви. Въ частности онъ не видитъ законныхъ основаній для существованія брестскаго капитула¹⁾, и соглашается „уважаемыхъ прелатовъ этого капитула признавать за таковыхъ только въ силу установившагося *мнѣнія*“ (podług prawa opinii), но не согласенъ причислить ихъ къ составу іерархіи русской церкви, соединенной съ римскою. Существованіе лудскаго капитула, можетъ быть, по видимому, документально обосновано: присутствовавшіе на брестскомъ соборѣ (1594 г.) лудскіе пресвитеры подписались „*крылосами лудскими*“. Но это выраженіе произошло или отъ *клеросъ* и означало то, что они обязаны были стоять на клеросѣ (но это не составляетъ капитульной привилегіи и есть обязанность дьячковъ), или отъ греческаго *κλῆρος*, означающаго просто всякаго

¹⁾ Брестскій капитулъ стоялъ тогда во главѣ важнѣйшихъ событій въ жизни уніатской церкви и игралъ роль передового застрѣльщика въ борьбѣ блага духовенства съ базилианами.

духовнаго. Во всякомъ случаѣ, прибавляетъ авторъ, сами теперешніе каноники не согласятся, что тѣ клирошане были настоящими кафедральными канониками (№ 10). Что же касается буллы папы Пія VI (1784 г.), дающей уніатскому митрополиту право награждать духовныхъ лицъ (въ числѣ 30 человекъ) за заслуги золотыми крестами, то ею вовсе еще не устанавливается и не утверждается существованіе уніатскихъ канитуловъ и каноникатовъ (№ 11). Покояивши съ вопросомъ объ уніатскихъ канитулахъ, авторъ переходитъ къ тому, что — судя по заглавію — должно было служить содержаніемъ его статьи: на четырехъ небольшихъ страницахъ онъ описываетъ современныя ему устройство и управленіе западно-русской уніатской церкви (№ 12).

Лишь только появилось въ „*Дьяніяхъ милосердія*“ начало статьи Малевскаго, — Сосновскій выступилъ съ своими возраженіями противъ нея. Въ октябрьской книжкѣ того же журнала онъ напечаталъ „*Привиллегію Сигизмунда III, данную русскому духовенству*“ ¹⁾ (въ Варшавѣ, въ 1589 г.), о томъ, чтобы по смерти западно-русскаго митрополита, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, впродъ до назначенія имъ преемника, завѣдывали находившимися въ ихъ пользованіи церковными фундашами не свѣтскіе чиновники, а *крылошане соборныхъ церквей*. Передъ самымъ документомъ Сосновскій помѣстилъ маленькую замѣтку такого содержания: Какъ мало исторія нашей страны выяснена, это извѣстно всѣмъ... Для выясненія ея много бы помогли публичные акты и частныя привиллегіи, документы, фундаціи, разбѣянные теперь по разнымъ мѣстамъ. Весьма желательно было бы большее съ ними знакомство... Считаю уиѣстнымъ, имѣя подъ руками нѣкоторые документы, хотя отчасти этому знакомству помочь... На статью Малевскаго нѣтъ намека; но намечатанный Сосновскимъ документъ былъ сильнымъ опроверженіемъ его аргументаціи, такъ какъ изъ него оказывалось, что за нѣсколько лѣтъ до брестской церковной уніи (1596 г.) *крылошане соборныхъ церквей* существовали въ православной западно-русской церкви, въ видѣ особой корпораціи съ

¹⁾ Dzieje Dobroczyńności, 1823, № 10, str. 164—169.

очень важнымъ правомъ—завѣдывать церковнымъ имуществомъ въ случаѣ смерти епископа.

Въ ноябрской книжкѣ „*Дяляній милосердія*“ Сосновскій напечаталъ другой документъ— „*Фундуизъ трепоундйтской Волчинской (брест. утзда) церкви*“¹⁾. Эта привилегія на право владѣнія Волчинской церкви недвижимымъ имуществомъ, данная 28 окт. 1586 года, а Сосновскому сообщенная священникомъ этой церкви Афанасевичемъ. Въ этой привилегіи фундаторъ между прочимъ назначалъ охранителями даннаго имъ Волчинской церкви фундаша брестскаго епископа и его *каедральный капитулъ*. Печатавъ этотъ документъ, Сосновскій уже не скрывалъ ближайшей цѣли появленія его на страницахъ „*Дяляній милосердія*“. Изъ самой природы вещей и изъ духа церковныхъ установленій (писалъ онъ тутъ) вытекаетъ, что находящійся при епископѣ клиръ долженъ участвовать со своимъ пастыремъ въ завѣдываніи церковнымъ имуществомъ и управленіи всею паствою. Этотъ обычай восходитъ къ апостольскимъ временамъ, и какими бы ни называлось это старшее духовенство именами (которыя, конечно, измѣнялись сообразно времени, мѣсту, обстоятельствамъ), сущность дѣла всегда оставалась одна и таже. Въ этомъ документѣ и то еще заслуживаетъ вниманія, что за десять лѣтъ до брестской уніи русское каедральное духовенство называется уже именемъ взятымъ у католической церкви (капитуломъ). Вѣрно, влѣдствіе самаго сосѣдства въ польскихъ областяхъ обоихъ обрядовъ, хотя еще и не соединившихся, началось это заимствованіе и смѣшеніе названій, а потомъ и обычаявъ. Въ позднѣйшія времена, послѣ окончательнаго соединенія, дѣло еще болѣе запутывалось, какъ можно это видѣть на теперешнихъ уніатахъ. Полезнымъ было бы занятіемъ, прослѣдивши пути и ближайшія причины этихъ перемѣнъ, выяснить,—какъ рускіе (Rusini), соединившіеся съ римскою церковію, постепенно отступили отъ древнихъ греческихъ обрядовъ и приняли обычая, свойственные западной церкви... Молодого уніатскаго ученаго, очевидно, интересовала не одна борьба съ монахами изъ за монастырскихъ фундашей, но и кое-что другое, болѣе важное и существенное.

¹⁾ Dzieje Dobroczynności, 1823, № 11, str. 283—288.

Сосновскій не дождался окончанія статьи Малевскаго. Въ декабрьской книжкѣ „Дяній милосердія“ за 1823 годъ появилось уже начало его обширной статьи, подъ заглавіемъ: *Замѣчанія на статью „О іерархіи русской церкви, соединенной съ римскою“*¹⁾. Уже одно это обстоятельство показываетъ, что статья была вызвана жизненными интересами, не допускавшими отлагательства.

Въ началѣ статьи Сосновскій заявляетъ, что по недостатку мѣста онъ не будетъ опровергать того положенія своего противника, что Заможскій соборъ есть правило вѣры и жизни, потому что католическая церковь, кромя свящ. Писанія и единогласнаго ученія отцовъ, только опредѣленія виленскихъ соборовъ признаетъ непререкаемыми правиломъ вѣры и нравственности. Онъ не станетъ также указывать поводовъ появленія въ печати разбираемой имъ статьи, хотя это могло бы послужить для правильной оцѣнки ея достоинства... Онъ прямо перейдетъ къ защитѣ существованія русскихъ капитуловъ отъ заподозриванія своего противника.

Въ доказательство несуществованія русскихъ кафедральныхъ капитуловъ въ древнее время базилианскій авторъ указываетъ на молчаніе объ нихъ уставовъ Владиміра и Ярослава и разныхъ соборовъ; но свидѣтель, молчащій объ историческихъ фактахъ, ничего не значитъ, говоритъ Сосновскій, когда другіе свидѣтели явно доказываютъ противное. Малевскій иногда такъ передаетъ общезвѣстные историческія свидѣтельства, что въ нихъ не оказывается никакого упоминанія о существованіи капитуловъ въ униатской церкви, хотя на дѣлѣ оно тамъ имѣется. М. Левъ Кишка является у него свидѣтелемъ въ пользу несуществованія львовскаго капитула, между тѣмъ какъ этотъ митрополитъ только пытался, и то неудачно, доказать это несуществованіе. М. Григорій Кохановичъ у него совсѣмъ не признаетъ существованіе виленскаго и брестскаго капитуловъ; а на самомъ дѣлѣ, въ письмѣ къ суффра-

¹⁾ Uwagi nad artykułem : o hierarchii kościoła Ruskiego z Rzymskim zjednoczonego (Dzieje Dobroczynności, 1823, № 12, str. 434—438; 1824, № 3, str. 222—231; № 4, str. 324—335; № 5, str. 469—488; № 6, str.

гану онъ только говорить, что „не знаетъ, по какому праву брестскій епископъ вновь учредилъ свой капитулъ“, и выражаетъ догадку, что онъ учредилъ его въ силу обычая (*præsumptione*), и слѣд. во всякомъ случаѣ не отрицаетъ его существованія. Тоже самое приходится сказать и о рапортѣ виленскаго суффрагана второму департаменту коллегіи относительно виленскаго капитула. Что же касается ссылки на Карамзина, то если даже согласиться съ его сомнѣніемъ въ подлинности известной привиллегіи, то это значитъ только, что существованіе львовскаго капитула не восходитъ къ такимъ древнимъ временамъ, а вовсе не доказываетъ того, что онъ не существовалъ въ болѣе позднее время, такъ какъ привиллегія кн. Льва Даниловича Галицкаго подтверждена впоследствии Стефаномъ Баторіемъ и Сигизмундомъ III.

Вообще всѣ доказательства Малевскаго опираются или на однихъ только догадкахъ, или на заключеніяхъ, выведенныхъ самыми неестественнымъ образомъ. Съ своей стороны, Сосновскій объщаетъ въ доказательство существованія капитуловъ приводить только несомнѣнно документальныя данныя. Въ распоряженіи нашего автора оказался, дѣйствительно, цѣлый арсеналъ извлеченныхъ имъ изъ разныхъ архивовъ документовъ, которыми онъ безпощадно побиваетъ своего противника. Сосновскій приводитъ документальныя доказательства въ защиту существованія съ древнихъ временъ каждаго изъ русскихъ кафедральныхъ капитуловъ—новогородскаго, виленскаго, полоцкаго, владимірскаго, брестскаго, луцкаго, львовскаго, холмскаго, перемышльскаго, пинскаго, супрасльскаго, и при этомъ въ пользу существованія нѣкоторыхъ изъ этихъ капитуловъ указывается имъ весьма значительное количество документовъ (въ защиту новгородскаго, наприм., капитула приведено восемь документовъ, виленскаго и владимірскаго по шести, брестскаго—десять и т. д.). Ученый защитникъ капитуловъ, очевидно, много и долго рылся въ разныхъ архивахъ—виленскомъ митрополичьемъ, виленскомъ архивѣ суффрагана, брестскомъ епархіальномъ, брестскомъ капитульномъ, въ градскихъ книгахъ брестскаго воеводства; онъ цитуетъ документы изъ градскихъ книгъ новгородскаго воеводства, изъ луцкаго епархіальнаго архива, изъ пинскихъ

городскихъ книгъ. Сосновскому въ его архивныхъ поискахъ оказали весьма дѣятельное содѣйствіе многіе представители уніатскаго духовенства, которое въ цѣломъ составѣ своемъ сильно было задѣто статью Мадлевскаго. Въ числѣ ученыхъ корреспондентовъ Сосновскаго, о которыхъ онъ съ признательностью упоминаетъ въ подстроичныхъ призываніяхъ, мы видимъ архипресвитера брестскаго капитула Гаврііла Янковскаго, префекта полоцкой уніатской семинаріи Антонія Зубко, настоятеля верховичской церкви (брестск. уѣзда) магистра богословія Леопольда Паньковскаго, профессора свящ. Писанія и декана богословскаго факультета варшавскаго университета Павла Шиманскаго, ассессора лудской уніатской консисторіи Іоанна Сѣроцинскаго (онъ сообщилъ тринадцать документовъ изъ лудскаго епарх. архива), учителя житомирскаго училища, магистра богословія Іоанна Куликовскаго, какою-то не названную Сосновскимъ „особу достойную вѣры и уваженія“ (въ Лудцѣ).

Въ однихъ документахъ, приводимыхъ Сосновскимъ, — болѣе древнихъ, — упоминаются: *крылоса соборной церкви, крылошане, попы и діаконы соборной церкви, архипресвитеръ соборной церкви, крылосскіе попы соборные*; въ другихъ — позднѣйшихъ постоянно встрѣчается названіе *капитулъ*, а также разныя названія членовъ капитула. Сосновскій видитъ доказательства въ пользу существованія русскихъ капитуловъ даже въ тѣхъ историческихъ памятникахъ, на которые самъ противникъ его указалъ съ совершенно противоположною цѣлью: такъ, въ „*инументъ*“, упоминаемомъ въ уставѣ Владиміра, онъ видитъ не настоятеля монастыря, а свѣтскаго архипресвитера, или протопопа; упоминаемый въ уставѣ Ярослава *советъ митрополичій, советъ церковный* представляется ему древнею формою того же капитула и т. д.

Приведши свои многочисленныя историческія свидѣтельства, Сосновскій выражаетъ увѣренность, что они не только каждаго безпристрастнаго читателя, но и базилианскаго его противника убѣдятъ въ существованіи русскихъ капитуловъ съ древнѣйшихъ временъ и въ томъ, что они имѣютъ права, равныя правамъ латинскихъ капитуловъ. Затѣмъ онъ повторяетъ уже раньше высказанную имъ мысль, что существованіе капитуловъ восходитъ къ апо-

стольскимъ временахъ, и какими бы именами ни назывался находившійся возлѣ епископа клиръ (presbyterium, synedrium presbyterorum, senatus ecclesiae Christi, consilarii episcopi, consilium et senatus ecclesiae, или, какъ въ западной церкви, capitulum, и какъ нибудь еще иначе), сущность дѣла всегда оставалась одна и таже, — всегда находящіеся при епископѣ священники составляли его совѣтъ, оказывали ему помощь, всегда образовали извѣстное тѣло, имѣющее свои прерогативы, отличія и особенныя права и обязанности: sine his ecclesia non vocatur, — говоритъ св. Игнатій. Русская церковь, получившая начало отъ греческой, заимствовала отъ нея какъ всѣ иныя порядки, такъ и устройство епископскаго кафедральнаго клира; въ позднѣйшее время, вслѣдствіе самаго сосѣдства своего въ польскихъ областяхъ съ обрядомъ латинскимъ, а еще болѣе вслѣдствіе послѣдней уніи съ нимъ, она греческіе порядки касательно этого клира отчасти смѣшала, отчасти измѣнила на латинскіе. Сосновскій указываетъ далѣе рядъ перемѣнъ, происшедшихъ въ теченіе вѣковъ въ самомъ названіи епископскаго кафедральнаго клира. Въ XIII в. онъ назывался *кларомъ кафедральнымъ*, а также *великою церковью*; въ XV в. и особенно въ XVI в. самыя употребительныя названія: *церковь соборная*, *крылосъ*, *крылошане соборной церкви*, *протопопъ и старшіе съ нимъ пресвитеры*, *протопопъ и прочая*; въ XVII в. эти названія встрѣчаются уже рѣже; въ XVIII в. — едва упоминаются; съ конца XVI вѣка начинаетъ входить въ употребленіе названіе *капитулы*; въ XVII в. это — уже обыкновенное названіе; въ XVIII и XIX в. оно уже исключительно употребляется. Что же касается названія *каноникъ*, то оно вошло въ употребленіе въ уніатской церкви лишь въ концѣ XVIII вѣка. Что же касается правъ русскихъ капитуловъ, то они пользовались такими же правами, какъ и латинскіе, именно: *sede plena*, они участвовали въ управленіи епархіей, давали епископу совѣты, выбирали оффиціала, производили даже судъ; *sede vacante*, избирали администратора епархіи и завѣдывали епископскимъ имуществомъ; капитулы имѣли свои засѣданія, свою печать, общія движимое и недвижимое имущество, общую кассу, архивъ и пр. Русскіе капитулы въ началѣ

XVIII в. стали приходить въ упадокъ; но съ половины этого вѣка, съ распространеніемъ просвѣщенія среди бѣлаго униатскаго духовенства, они опять получили силу и значеніе. Въ русскомъ государствѣ существованіе капитуловъ признано закономъ, и униатскіе прелаты и каноники утверждаются въ своихъ должностяхъ государемъ.

Покончивъ съ спорнымъ вопросомъ по существу, Сосновскій дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о внѣшней формѣ разбираемой имъ статьи. Базилианскій авторъ самымъ заглавіемъ своей статьи вводитъ читателя въ обманъ и повергаетъ его въ совершенное недоумѣніе, когда безъ всякаго приступа, безъ объясненія поводовъ сразу начинаетъ съ отрицанія существованія русскихъ кафедральныхъ капитуловъ и объ этомъ только и говоритъ на всемъ протяжении своей статьи, лишь въ самомъ концѣ ея спохватываясь обмолвиться нѣсколькими словами объ іерархіи униатской церкви. Въ самой статьѣ — страшная путаница, и самый тонъ рѣчи автора — какой-то колеблющійся, неувѣренный: *когда бы, чтобы, если бы, тогда бы, то бы* — попадаются у него на каждой страницѣ, а это уже явно обнаруживаетъ или недостатокъ источниковъ и доказательствъ, или дурное положеніе писателя. Притомъ же авторъ на каждомъ шагу впадаетъ въ противорѣчіе самому себѣ. Можно бы и еще болѣе сдѣлать замѣчаній, говоритъ Сосновскій; но не желая возбуждать „нѣкоторыхъ непріятныхъ воспоминаній“ и приписывая остальные ошибки автора слабости человѣческой природы, считаю за лучшее положить ковецъ дальнѣйшимъ замѣчаніямъ...

Преемникомъ проф. Сосновскаго по кафедрѣ нравственнаго и пастырскаго богословія сдѣлался кс. *Іоаннъ Скиделлъ*. Какъ видно изъ формулярнаго списка, Скиделлъ учился сначала въ Тельшевскомъ уѣздномъ училищѣ. По окончаніи въ немъ ученія, онъ поступилъ (15 сент. 1817 г.) въ виленскій университетъ, откуда вскорѣ (1 сент. 1818 г.) перешелъ въ главную духовную семинарію, которую и окончилъ (17 мая 1822 г.) со степенью магистра богословія. Вскорѣ затѣмъ онъ удостоенъ (28 іюня 1823 г.) степени доктора богословія и церковнаго права и приглашенъ въ виленскій университетъ къ преподаванію св. Писанія и библейской ар-

геологія. Послѣ смерти Сосновскаго Скиделль занялъ кафедру право-учительнаго и пастырскаго богословія, сперва въ качествѣ замѣстителя профессора (съ 1827 г.), а потомъ ординарнаго профессора (съ 3 авг. 1828 г.). Въстѣ съ этихъ онъ получилъ санъ виленскаго кафедральнаго каноника (1829 г.). Послѣ преобразованія главной семинаріи въ римско-католическую духовную академію, проф. Скиделль продолжалъ въ ней преподавать нравственное и пастырское богословіе († 20 ноября 1837 г.)¹⁾.

По уставу 1803 года, на нравственно-политическомъ факультетѣ виленскаго университета особой кафедры *церковнаго права* не полагалось, и въ первые двѣнадцать лѣтъ по преобразованіи университета каноническое право совсѣмъ въ немъ не преподавалось. Но нужда въ немъ, особенно со времени открытія главной духовной семинаріи при университетѣ, сильно ощущалась, и уже ректоръ Иванъ Снядецкій хлопоталъ о введеніи его въ кругъ университетскихъ наукъ. Но только въ 1815 году каноническое право введено въ виленскомъ университетѣ въ качествѣ вспомогательнаго предмета, и преподаваніе его поручено ординарному профессору гражданского и уголовного права *Алоизію Капелли*, съ производствомъ ему особаго за то вознагражденія (согласно резолюціи министра народнаго просвѣщенія отъ 23 іюля 1813 г.).

Имя Капелли неразрывно связано со всею новѣйшею исторіею виленскаго университета и по всѣмъ правамъ принадлежитъ къ числу самыхъ славныхъ именъ въ этомъ университетѣ. Юридическая наука въ виленскомъ университетѣ, можно сказать безъ преувеличенія, обязана своимъ процвѣтаніемъ болѣе всего лекціямъ этого талантливаго профессора, занявшаго въ немъ кафедру сразу же послѣ его преобразованія и дожившаго въ должности профессора до самаго закрытія его. Проф. Капелли обладалъ обширными и основательными познаніями по всѣмъ юридическимъ наукамъ, и ученики его съ восторгомъ говорятъ о его лекціяхъ (которыя онъ

¹⁾ Проф. Ант. *Фіалковскій* издалъ въ Вильнѣ, въ 1842 г., брошюру: «Wspomnienie o życiu i piśmach х. Jana Skidella, kanonika Wileńskiego»; этой брошюры, къ сожалѣнію, мы не могли найти въ Вильнѣ.

читалъ на латинскомъ языкѣ). Въ его лекціяхъ, говорить одинъ изъ нихъ, было „взаящество и огонь“; онъ всегда умѣлъ „отличить, поощрить и ободрить истинный талантъ“¹⁾.

Капелли былъ родомъ итальянецъ. Окончивъ курсъ наукъ въ итальянскихъ университетахъ со степенью доктора правъ и философіи, онъ получилъ въ пизавскомъ университетѣ кафедру права (23 мая 1797 г.). Но первый опытъ профессорствованія оказался почему-то неудачнымъ, и послѣ четырехлѣтней профессорской службы въ Пизѣ Капелли рѣшилъ, повидимому, совсѣмъ оставить ученую карьеру. Въ 1801 году онъ поступилъ во Флоренцію на должность секретаря при министрѣ полиціи, а вскорѣ затѣмъ (въ 1803 г.) перешелъ на службу въ Вольтерру. Но судьба рѣшила совсѣмъ иное. Въ ректорство Стройновскаго, дѣятельно собиравшаго въ Вильну ученые силы отовсюду, безъ различія національности, Капелли получилъ приглашеніе занять въ незадолго передъ этия преобразованномъ виленскомъ университетѣ кафедру гражданскаго и уголовнаго права, съ званіемъ ординарнаго профессора (25 авг. 1804 г.).

Призванный къ преподаванію въ университетѣ каноническаго права, проф. Капелли, предъ началомъ университетскихъ лекцій, счелъ умѣстнымъ ознакомить своихъ коллегъ-профессоровъ и виленское общество съ своими взглядами на новую, порученную для преподаванія ему науку. На публичномъ засѣданіи университета (15 сент. 1815 г.), онъ прочелъ на французскомъ языкѣ рѣчь „Объ источникахъ и основаніяхъ каноническаго права“²⁾.

Каноническое право — началъ Капелли — подобно римскому праву, было попеременно предметомъ слѣпотаго благоговѣнія или острой критики, сообразно съ духомъ времени и людей. Кровавыя и унизительныя споры, происходившія между нѣмецкими императорами и римскими епископами, длинный рядъ войнъ, интригъ, уси-

¹⁾ Такъ характеризуетъ лекціи проф. Капелли анонимный авторъ «Wiadomości o życiu i pracach uczonych. Ołdakowskiego, profesora Uniwersytetu wileńskiego» (Dziennik Wileński, 1822, I, 15—16).

²⁾ O źródłach i zasadach prawa kanonicznego, rzecz Ałoizego Capelli (Dziennik Wileński, 1815, II, 248—283).

лій, успѣховъ, отразившихся на всей политической системѣ Европы были также поводомъ къ появленію съ той и другой стороны множества сочиненій, въ которыхъ не соблюдали границъ. Появленіе подложныхъ декреталій, приписанныхъ пѣкніемъ Исидоромъ Меркаторомъ апостоламъ и древнимъ папамъ, вновь заострило перья и возбудило таланты; а наконецъ, не говоря о другихъ обстоятельствахъ, невѣріе прошлаго вѣка думало достигнуть триумфа надъ всѣми духовными науками посредствомъ нападковъ и издѣвательствъ надъ самою католическою религіею. Я не стану защищать каноническаго права передъ академическимъ совѣтомъ: онъ самъ высказался за введеніе преподаванія его въ этомъ старинномъ университетѣ, въ которомъ оно всегда преподавалось.

Первый источникъ каноническаго права, говорятъ Канелли, евангеліе и свящ. Писаніе вообще: въ немъ — первая основанія всякаго права, служація источникомъ всѣхъ правилъ справедливости и законности. Свящ. Писаніе учитъ, что Богомъ установлены двѣ власти на землѣ — духовная и свѣтская, имѣющія каждая свой особый предметъ и силу. Духъ религіи, долженствующій дѣйствовать на сердце человѣка путемъ любви къ правдѣ, дѣйствуетъ черезъ епископовъ, какъ духовныхъ властей, отличныхъ отъ власти свѣтской, вооруженной страхомъ наказаній. То, что сказано объ епископахъ — снѣшить оговориться Канелли — не можетъ относиться къ главѣ католической церкви: его владѣніе (dziedzictwo), говоря политически, не должно ни отъ кого зависѣть, потому что папское государство не могло бы подчиняться власти одного какого-либо государя, — безъ того, чтобы личность и достоинство папы не сдѣлались неприятными или подозрительными для всѣхъ остальныхъ. Сами государи, какъ и всѣ міряне, въ дѣлахъ, касающихся религіи, должны повиноваться духовной власти; но съ другой стороны всѣ духовные въ гражданскихъ дѣлахъ должны повиноваться государю и свѣтскимъ властямъ вообще... Въ первые три вѣка христіанства, одного евангелія для христіанъ было совершенно достаточно, какъ правила вѣры и жизни, потому что преданіе легко разрѣшало всѣ возникавшія у нихъ недоумѣнія. Этого кодекса совершенно достаточно было въ такія времена, когда церковное

правительство, основанное на любви, имѣло свою единственную цѣль общественную пользу, вовсе не преслѣдовало своихъ частныхъ интересовъ, когда епископовъ выбирали исключительно по достоинству ихъ и чаще всего вопреки ихъ желанію, когда епископы не стремились къ мірской власти, не употребляли внѣшнихъ принудительныхъ мѣръ, а всю силу свою полагали въ убѣжденіи и святости жизни.

Второй источникъ каноническаго права составляютъ опредѣленія соборовъ, которыхъ было много уже во II и III вѣкахъ: они образовали постепенно каноническій кодексъ, по которому управлялись церкви. Съ эпохи Константина Великаго начинается новое, болѣе сильное вліяніе христіанства на всѣ основы правительства, на всѣ стороны частной и общественной жизни: происходитъ совершенная перемѣна правовъ и обычаевъ, полный переворотъ въ самомъ судопроизводствѣ. Съ другой стороны, церковь, со времени Константина наслаждавшаяся миромъ, является во всемъ блескѣ своей іерархіи: съ этого времени дѣлаются въ ней извѣстными титулы митрополита, примаesa, экзарха, патріарха. Когда возросла церковная іерархія, явилась потребность изданія новыхъ постановленій на новыхъ соборахъ для устроенія хорошаго управленія и предупрежденія безпорядковъ. Въ это-то время и составлена большая часть каноновъ... Эти каноны не имѣли внѣшней принудительной силы, и нарушающіе ихъ подлежали только духовнымъ наказаніямъ. Но императоры, для болѣе успѣшнаго приведенія ихъ въ исполненіе, обыкновенно предписывали своимъ подданнымъ соборно образоваться съ предписаніями церкви, включали опредѣленія соборовъ въ свои сборники законовъ, опубликовывали ихъ вмѣстѣ съ своими распоряженіями и такимъ образомъ сообщали имъ силу гражданскаго закона.

Третій источникъ каноническаго права составляютъ декретація папъ. Хотя въ числѣ ихъ есть древнія, но за исключеніемъ двухъ посланій св. Климента къ коринтянамъ (скорѣе аскетическаго, чѣмъ декретальнаго характера), всѣ другія декретація, приписываемыя предшественникамъ папы Сиріція (умершаго въ концѣ IV вѣка), и помѣщенные въ сборникъ Исидора Меркатора (жив-

шаго во времена Карломана), — подложныя, измышленныя издателемъ сборника. Происхожденіе папскихъ декреталій вызвано слѣдующими обстоятельствами. Преемники св. Петра во всё времена пользовались первенствомъ въ церковной іерархіи и, какъ слѣдствіемъ его, правомъ издавать опредѣленія, которыя церковь всегда принимала съ уваженіемъ, если только они не противорѣчили опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ. Съ теченіемъ времени, когда, вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, епископы не имѣли возможности составлять вселенскихъ соборовъ, мало по малу вошло въ обычай обращаться за совѣтомъ къ папѣ по всемъ дѣламъ, даже свѣтскимъ, и къ рѣшенію папы прибѣгали не только епископы, но и независимые государи. При этомъ, расширенію папской юрисдикціи много способствовало учрежденіе великаго множества монашескихъ орденовъ и университетовъ, находившихся подъ непосредственною властію апостольскаго престола. Въ концѣ-концевъ всеобщимъ правомъ церкви признано все то, что исходило отъ папы, предсѣдательствующаго на соборѣ или постановляющаго свои опредѣленія въ ассистенціи своего клира... Перемѣны, происшедшія въ церковной дисциплинѣ послѣ первыхъ вѣковъ, утверждены подложными декреталіями, вовсе неизвѣстными въ греческой церкви. Эти декреталіи, будучи внесены въ каноническіе сборники, употреблявшіеся въ латинской церкви послѣ IX вѣка, не только все болѣе и болѣе закрѣпляли старыя злоупотребленія, вкравшіяся въ церковь среди невѣжества и борьбы двухъ властей, но ввели еще новыя, которыя старались положить предѣлъ на вселенскихъ соборахъ послѣ возрожденія на западѣ наукъ и искусствъ.

Четвертый источникъ каноническаго права — творенія отцевъ церкви: св. отцы ученостію своею и святостію жизни заслужили того, чтобы церковь помѣстила ихъ мнѣнія въ ряду своихъ уставовъ...

Капелли не считаетъ нужнымъ говорить о всѣхъ сборникахъ каноновъ, въ разные времена употреблявшихся въ греческой и латинской церквахъ. Онъ останавливается только на томъ сборникѣ, который съ XII в. принятъ на западѣ въ церковномъ судопроизводствѣ и который обыкновенно комментируется въ университетахъ,

и сообщает подробную историю его происхожденія. Въ составъ этого сборника входятъ: декретъ Граціана, сборники Григорія IX, Бонифація VIII, Клиента V и Іоанна XXII.

Въ заключеніе своей публичной лекціи Капелли перечисляетъ обязанности канониста: объяснять свящ. Писаніе въ духъ католической церкви; изъяснять каноны согласно съ исторіей; рекомендовать чтеніе отцовъ церкви, представляющихъ собою нить преданія, отступленіе отъ которой ведетъ къ заблужденію; отличить истинныя декретація отъ подложныхъ; указывать какъ злоупотребленія, вкравшіяся въ церковную дисциплину, такъ и средства, указанныя соборами для уничтоженія ихъ; указывать вліяніе каноническаго права на улучшеніе гражданскихъ и государственныхъ кодексовъ.

Лекціи Капелли по церковному праву вскорѣ стали въ университетѣ такими же популярными, какъ и лекціи того же профессора по гражданскому и уголовному праву. Университетской молодежи особенно нравилось либеральное для того времени направленіе этихъ лекцій, слѣды котораго можно усматривать уже въ публичной его лекціи. М. Іосифъ Сѣмашко говоритъ въ своихъ *запискахъ*, что Капелли на своихъ лекціяхъ „систематически и съ какою-то наслажденіемъ преслѣдовалъ при всякомъ случаѣ самыми ѣдкими сарказмами злоупотребленія ряжскаго духовенства, въ особенности богатыхъ прелатовъ“¹⁾. Архіеп. Антоній Зубко съ своей стороны говоритъ: „Профессоръ каноническаго права (Капелли) объяснялъ намъ, что какой-то Исидоръ, льстецъ папы, не находя въ преданіяхъ первоначальной церкви никакихъ данныхъ, на которыхъ можно бы было основать громадную средневѣковую власть папскую, составилъ множество грамотъ, писанныхъ будто бы въ первые вѣка христіанства, и разъясняющихъ, что подобною же властію папы пользовались и въ тѣ времена“. Въ другомъ мѣстѣ архіепископъ Антоній пишетъ: „Профессоръ Капелли, упоминая о формѣ, употребленной въ началѣ постановленій тридентскаго собора: *по внушенію Св. Духа* (dictante Spiritu Sancto) замѣтилъ,

¹⁾ Записки и. Іосифа, I, 16.

что то было по внушенію не Духа Святаго, а папскаго золота, какъ самаго вліятельнаго аргумента, который при богатствѣ папѣ заключалъ въ себѣ непреодолимый авторитетъ" ¹⁾).

Кромѣ преподаванія гражданскаго, уголовнаго и церковнаго права въ виленскомъ университетѣ, Капелли несъ много другихъ обязанностей. Въ теченіе шести лѣтъ (1811 — 1817) онъ былъ деканомъ отдѣленія словесныхъ наукъ и изящныхъ искусствъ; на этомъ отдѣленіи (съ 20 сент. 1808 г.) онъ преподавалъ итальянскій языкъ. Онъ же былъ и послѣднимъ деканомъ словеснаго факультета (съ 1 іюня 1827 г. до закрытія университета). Русское правительство наградило проф. Капелли чиномъ статскаго совѣтника и орденомъ Анны 2-й ст.; кромѣ того ему объявлено высочайшее благоволеніе за плодотворную службу его въ виленскомъ университетѣ (28 апр. 1828 г.). Въ 1829 году, по случаю выслуги 25 лѣтъ, Капелли получилъ званіе заслуженнаго профессора и ежегодную пенсію (1,500 руб. сер.). По закрытіи виленскаго университета, Капелли продолжалъ преподаваніе церковнаго права въ виленской римско-католической духовной академіи.

Что касается литературныхъ работъ проф. Капелли по церковному праву, то кромѣ упомянутой выше рѣчи его „Объ источникахъ и основаніяхъ церковнаго права“, онъ издалъ „Manuale juris canonici, quod in usum auditorum quinquaginta tabulis sinopticis delineavit et brevibus notis illustravit“. Относительно этого послѣдняго, въ засѣданіи виленскаго университета (15 янв. 1820 г.) было доложено, что министръ народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ, разсмотрѣвъ присланное ему „Manuale juris canonici“ проф. Капелли, нашелъ помѣщенныя въ немъ таблицы каноническаго права не только полезными для учащихся, но и могущими служить образцомъ при составленіи подобныхъ же таблицъ по другимъ отраслямъ права ²⁾. Кромѣ того, проф. Капелли издалъ нѣсколько книгъ и брошюръ по предмету гражданскаго и уголовнаго права и итальянской литературы, на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ.

П. Жуковичъ.

¹⁾ *Русскій Вѣстникъ*, 1864, стр. 300—301.

²⁾ *Dziennik Wileński*, 1820, II, 105.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки